

АЛЕКСАНДРА
ДЕВИЛЬ

КОРОЛЕВА
ТАВРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Ольга Рудницкая*
Художник *Любовь Прядкина*

ISBN 978-966-14-1689-4 (PDF)

© Кравченко А. П., 2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авантюрный дух и романтический колорит раннего Возрождения — эпохи, центром которой была Италия, оставил свой след и на таврийских берегах, куда привнесли его генуэзские и венецианские купцы-мореплаватели. Именно там, в Таврике, т. е. Крыму, в XIV веке и происходит основное действие романа (пролог — в III веке). Средневековый Крым — это земля, где смешалось множество культур, наций, языков и религий. Когда войны и другие исторические потрясения привели к утрате старых торговых путей, в международной торговле возросла роль черноморских портовых городов, а среди них главнейшим была Кафа (Феодосия), которую в те времена называли королевой Черного моря.

В этом шумном многонациональном городе живет героиня романа — славянская девушка Марина. Сюда же, в Кафу, приезжает из далекой Италии молодой римлянин Донато — человек, испытавший немало превратностей судьбы, побывавший и корсаром, и наемным воином, и купцом. Он уехал из Италии, скрываясь от врагов, которые с помощью шантажа и обмана женили его на нелюбимой женщине. А еще он надеялся найти в таврийских горах сокровище, о котором прочел в древней рукописи, но пути к которому не знал. Совершенно случайно ключ к этой тайне подсказала ему, сама того не подозревая, Марина. И теперь Донато становится защитником девушки, рискуя ради нее жизнью. Но, если поначалу Марина нужна была ему лишь для того, чтобы указать путь к таинственному месту, то постепенно, узнав ее ближе, он совсем по-другому стал относиться к юной славянке.

Молодые люди невольно оказались втянуты в политические и религиозные распри, сотрясавшие Таврику, где Кафа, управляемая генуэзским консулом, была центром латинского влияния, Солхат — мусульманской столицей, а горное княжество Феодоро — оплотом православия, наследником духовных ценностей слабеющей Византии. В борьбу включились и русские княжества, постепенно освобождавшиеся от татаро-монгольского ига. Волей обстоятельств римлянину даже довелось побывать в этих княжествах и узнать о последствиях Куликовской битвы.

Казалось бы, все разделяло Марину и Донато, все было против них: семейные и религиозные устои, войны, расстояния, распри алчных правителей, а еще вражда, ревность и месть, дотянувшиеся к ним издалека...

Хватит ли у молодых людей силы духа, чтобы пройти через все испытания? Найдет ли Донато в Таврике свою вторую родину, любовь и судьбу?..

Совершив путешествие в минувшее время, читатель откроет в нем те же стихии, страсти, предрассудки и заблуждения, которые под другими именами и в других формах волнуют нас и ныне, — ведь душа человеческая не меняется с течением веков. И каждый духовный человек хранит глубоко в сердце идеал, который, как Святая Чаша, оставившая свой след в таинственных местах Таврики, способен развеять тьму светом надежды, веры и любви.

ПРОЛОГ

250 ГОД

Свет постепенно, проблесками, возвращался, и Аврелия не могла понять, сколько минут или часов она пребывала во тьме. Ей не хотелось выходить из забытья, потому что пробуждение могло оказаться слишком ужасным. Все еще витая на грани двух миров, она старалась восстановить в памяти события последних дней, закончившиеся бурным крушением у темных берегов чужой земли.

А ведь еще вчера измученным морской дорогой беглецам казалось, что их корабль, два месяца назад отплывший из Остии¹, уже через сутки приблизится к спасительным гаваням Вифинии и Понта²...

Но ветер, переменчивый, как судьба, внезапно задул со страшной силой, море взволновалось, вскипело, свинцовые облака закрыли солнце, и вокруг наступил мрак. Свирепый порыв бури разорвал и унес парус, а волны, вздымаясь, стали похожи на водяные горы. И небо своей яростью не уступало морю: стрелы молний прорезали тьму, гром сотрясал воздух чудовищными раскатами, ливень хлестал непрерывным потоком. И между двумя безжалостными стихиями — морской и небесной — металась, как беспомощная щепка, римская трирема, прошедшая долгий путь и уже, казалось, достигшая своей цели.

---

¹ Остия — античный порт вблизи Рима.

² Вифиния и Понт — античные области на севере Малой Азии.

На корабле терпели бедствие римские христиане, бежавшие от жестоких гонений императора Деция. Они наняли судно, чтобы оно доставило их в Синоп, где у епископа Климента — отца Аврелии — были надежные друзья, связанные с давними общинами Малой Азии, находившимися, благодаря удаленности от Рима, в относительной безопасности.

Аврелия слышала, как кормчий сказал ее отцу, что буря относит корабль совсем в другую сторону — к берегам Таврики. Эта земля представлялась римлянам диким и страшным обиталищем звероподобных тавров и людоедов-листригонов. Остаток дня и ночь, пока потерявший управление корабль носило по бурным волнам Понта Эвксинского, христиане молились своему единственному Богу, а корабельщики и гребцы, бывшие по большей части язычниками, зывали к Юпитеру-Зевсу и Нептуну-Посейдону.

Ближе к утру, когда немного рассеялась тьма, кто-то из моряков заметил полоску земли, к которой буря гнала корабль. Этот мелькнувший на горизонте мыс показался кормчему опасным, ибо на пути к нему могли встретиться отмели и подводные камни. Климент тоже с мрачными предчувствиями всматривался вдаль. Он сам когда-то был мореходом и хорошо знал, чем грозит кораблю такое столкновение.

Аврелия дрожала и едва не падала в обморок от страха — не столько за себя, сколько за ту маленькую жизнь, которая зародилась у нее под сердцем несколько месяцев назад. Этот ребенок должен был родиться истинным христианином — христианином в третьем поколении, ибо Аврелия и ее муж Светоний были крещены при рождении, а их родители приняли христианство в молодые годы. Члены общины смотрели на дочь епископа почти как на будущую Богородицу, и Аврелия чувствовала гордость и трепет при мысли о предстоящем материнстве.

Юная женщина старалась сохранять мужество и не показывать своего отчаяния, но силы оставляли ее с каждой минутой. Отец и муж перед самым крушением корабля привязали Авре-

лию веревками к прочному деревянному ящику, в котором, как она знала, находились земные сокровища христиан и священные реликвии, превосходившие своей ценностью все мирские блага.

Последнее, что запомнилось Аврелии, был удар корабля о подводную скалу, сопровождаемый страшным треском и криками ужаса обреченных на гибель людей. Дальше все для нее покрылось мраком беспмятства, в котором душа блуждала, не зная, где очнется: в мире живых или мертвых.

И вот теперь, осторожно приподняв веки, Аврелия услышала голос отца:

— Благодарю тебя, Господи! Она жива!

Измученное, осунувшееся лицо Климента склонилось над дочерью. Его запавшие глаза лихорадочно блестели, спутанные мокрые волосы прилипли ко лбу. Епископу было чуть больше сорока, но сейчас, после пережитых бедствий, он выглядел почти стариком.

Знатный римлянин, происходивший из всаднической семьи, Климент Наталис крестился еще в юности, под влиянием своей возлюбленной невесты Летиции. Потом они с Летицией обвенчались по христианскому обряду, и через год родилась Аврелия. А спустя еще три года Летиция умерла, так и не произведя на свет второго ребенка. После смерти жены Климент ревностно ушел в новую религию, доверив общине и свое имущество, и воспитание своей единственной дочери. Вскоре он стал влиятельным членом клира, а потом и епископом.

Новая вера все шире распространялась в империи, и многие знатные и состоятельные люди становились христианами. Но, беспокоясь о силе и богатстве христианских общин, Климент с тревогой замечал среди них ростки себялюбия и фанатизма. Епископы, пресвитеры, диаконы все больше возвышались над рядовыми членами общин, стали носить белые одежды и заявлять, что только они имеют право проводить молитвенные собрания и совершать служение Христу. Раньше диаконами могли быть и женщины, — и Климент готовил свою дочь

к этой роли, — теперь же знатные клирики находили множество аргументов, чтобы обосновать непригодность женщин для духовного поприща.

Понимая, что дочь не станет диаконисой, но желая видеть ее безупречной христианкой, благочестивой женой и матерью, Климент выдал Аврелию за Светония — одного из самых преданных молодых проповедников своей общины.

Но пришло страшное время. Если раньше лишь отдельные христиане могли пострадать от доносов, самосудов или клеветы языческих жрецов, то теперь железный кулак Рима обрушился на всю новую веру. Император Деций говорил, что предпочел бы терпеть в Риме второго императора, чем христианских епископов. Укрепляя пошатнувшуюся власть империи, Деций при поддержке сената потребовал поголовной присяги всех подданных, объявил обязательным культ почитания гения императора. Проповедь же иной веры приравнивалась к государственному преступлению. Истинные христиане отказывались воскурить фимиам и принести жертву перед статуей императора. И тогда начались тюрьмы, пытки и казни, сопровождавшиеся конфискацией имущества общин.

Климент не мог допустить, чтобы в руки властей попала его беременная дочь и та священная чаша, которую с недавних пор ему доверено было хранить. И тогда он принял решение бежать из Рима. Община, возглавляемая Климентом, была богата, и все ее имущество, переведенное в золото и драгоценности, тоже отправилось в путь, чтобы на новом месте беглецы могли прочно обосноваться и начать новую жизнь. Но рок распорядился иначе...

Аврелия смотрела на отца своими огромными черными глазами, и этот взгляд казался таким отрешенным, нездешним, что Климент испугался за рассудок дочери.

— Аврелия, дитя мое, ты меня узнаешь?.. — спросил он дрогнувшим голосом.

— Отец... — прошептала она одними губами. — Мы с тобой живы?.. А как другие? Они тоже спаслись?

— Увы, больше никто из общины не спасся, — тяжело вздохнул Климент. — Корабль раскололся на куски. Может, остались живы только несколько гребцов; я видел, как они уцепились за доску, но их отнесло далеко от меня и, наверное, прибило к берегу по другую сторону мыса.

— А все наши погибли?.. И Светоний?.. — сдавленным голосом спросила Аврелия.

— Бедная моя, мужайся. Бог оставил жизнь только нам с тобой... Вначале мы со Светонием держались рядом, уцепившись за ящик, к которому ты была привязана. Но потом ударила сильная волна и Светония отбросило в сторону. Он бы мог, наверное, спастись, если бы умел плавать. Но, на свое и наше горе, бедняга панически боялся воды и сразу же захлебнулся, пошел ко дну. И я не успел ему помочь. Да и нельзя мне было удаляться от ящика, оставлять тебя одну. Крепись, дочка. Горе твое велико, но Бог посылает нам испытания, может быть, для высших целей.

Аврелия не плакала. У нее не было слез. Она не раз видела, как рыдали и голосили жены по умершим мужьям, и сейчас в душе корила себя за то, что не плачет по Светонию. Она жалела его, как и других погибших, — но это была жалость человеколюбивой христианки, не похожая на неистовое горе женщины, потерявшей любимого человека. С детства воспитанная в строгом благочестии, выданная замуж по воле отца, Аврелия не любила мужа той любовью, которая бывает между мужчиной и женщиной и о которой она могла лишь смутно догадываться. Светоний был суровым, аскетичным юношей, и Аврелия слегка робела перед ним, воспринимая супружеские отношения как долг, освящаемый церковным обрядом ради продления человеческого рода.

Но, каковы бы ни были ее чувства к Светонию, в эту минуту любые чувства для Аврелии перекрывались страхом — страхом попасть в темную, мрачную неизвестность, где опасности со всех сторон угрожают ей, ее отцу и еще не рожденному ребенку.

Слегка приподняв голову, она взглянула в сторону моря и увидела, что разгул стихии постепенно идет на убыль.

Гроза утихла, и первые рассветные лучи пробились сквозь поредевшие облака, освещая морскую равнину, по которой катились пенистые гребни мощных, но уже не огромных волн.

— Мы в Таврике?.. — Аврелия испуганно и вопросительно взглянула на отца. — Что же нам делать?.. Одни, без друзей, без имущества...

— С нами наша вера в Спасителя, а это главное, — твердо заявил Климент.

Аврелии вдруг вспомнилось, что ее отец был хранителем Чаши, о которой никто в общине до конца не знал всей правды, догадываясь лишь о том, что таинственную и бесценную святыню епископ хочет отвезти на Святую землю.

— Отец, а как же Чаша?.. — дрогнувшим голосом выдохнула Аврелия. — Она теперь на дне морском?..

— Нет, дитя мое, она спаслась вместе с нами, — сказал епископ, отодвинув с лица дочери мокрую прядь ее длинных темных волос. — Ящик с нашими сокровищами на берегу. Но он в чужих руках.

Климент помог Аврелии подняться с земли и кивком головы указал на что-то за ее спиной. Она оглянулась и увидела шагах в десяти от себя человека, сидевшего на том самом ящике, в котором сосредоточилось все имущество погибшей общины. Оборванная мокрая одежда незнакомца свидетельствовала о том, что он тоже совсем недавно боролся с морскими волнами. Большая лодка рядом с ним казалась выброшенной на берег ночным штормом.

— Кто это?.. Дикарь, тавр?.. — испуганно спросила Аврелия.

— Пока не знаю. Но этот дикарь на своей лодке помог нам спастись, и мы должны быть ему благодарны. И, кажется, он не злобный. Я попросил его отойти в сторону, пока буду приводить тебя в чувство, и он не стал возражать.

Аврелия еще раз осторожно оглянулась на жителя Таврики и заметила, что он смотрит в ее сторону с нескрываемым любопытством. В его облике и выражении лица не просматрива-

лось ничего угрожающего, и это немного успокоило юную женщину. Она тихо сказала отцу:

— Может быть, это простой рыбак, и он не сделает нам ничего плохого. Будем надеяться, что он даже не догадывается, на каких сокровищах сейчас сидит. Вот только как нам с ним объясниться? Ведь он, наверное, не понимает ни латыни, ни греческого, а мы не знаем здешних языков.

— Я рад, что ты не утратила способности здраво рассуждать. — Климент постарался улыбнуться, чтобы приободрить дочь. — Ты должна быть сильной — как христианка и будущая мать. А этот рыбак, кажется, знает греческий. Возможно, он грек, хотя и не похож.

— Так попроси его нам помочь. Пусть даст нам временное пристанище, а потом найдем корабль, чтобы выбраться из Таврики. Мы ведь можем заплатить за услуги?

— Да. Но при этом мы беспомощны, одиноки и бесправны, — вздохнул Климент. — В любую минуту он или кто-то другой может отобрать наши сокровища, а нас с тобою продать в рабство.

— Так что же нам делать?.. — вздрогнула Аврелия, подумав о насилии и позоре.

— Верить и бороться. Ведь Господь нас оставил в живых недаром — значит, бережет для какой-то миссии, — заявил Климент и, обратившись к незнакомцу, громко сказал по-гречески: — Спасибо тебе, рыбак! Ты спас меня и мою дочь.

Незнакомец встал и неторопливо подошел к спасенным римлянам. При ближайшем рассмотрении он оказался молодым парнем крепкого сложения с мужественным загорелым лицом, на котором выразительно блестели большие серо-голубые глаза. Белокурые волосы парня выгорели на солнце и составляли контраст с его темными бровями и ресницами. Аврелии вдруг подумалось, что так мог выглядеть могучий герой Троянской войны Ахилл, который, по преданиям, был родом из Таврики. Она слышала, что в этих местах жили племена киммерийцев и скифов, а теперь еще с севера сюда пришли сильные и жестокие

готы, которые уже стали угрожать самой Римской империи. Светловолосый юноша мог принадлежать к одному из этих неизвестных ей и опасных племен. Аврелия невольно поежилась, когда его пристальный взгляд пробежал по всему ее телу, облепленному мокрой одеждой. Живот будущей матери уже заметно округлился, и незнакомец, кивнув на Аврелию, обратился к Клименту на чистом греческом языке:

— Твоя дочь беременна? А где ее муж?

От удивления Аврелия и Климент на мгновение потеряли дар речи. Потом епископ обрадованно воскликнул:

— Так я не ошибся, ты действительно понимаешь греческий! Какая удача, что ты не тавр и не скиф. Ты из боспорских греков?

— Нет, я не грек, но живу здесь с малолетства и знаю греческий.

— Ты похож на северного уроженца, — заметил Климент. — Может быть, ты из племени готов?

— Нет. — Лицо парня исказилось недоброй гримасой. — Готы напали на наше селение, многих перебили, а иных взяли в плен и повезли в Таврику, чтобы продать в рабство. Мне было тогда десять лет, и я сбежал от них. Меня приютил старый грек Памфил, который заменил мне отца.

— Так кто же ты родом? — уточнил Климент.

— Греки зовут нас венедами и антами, а мы сами себя называем славянами.

— А! Я слышал о таком народе! — воскликнул епископ. — По преданию, апостол Андрей Первозванный ходил просвещать венедев. Но вы так и не приняли истинную веру?

Однако молодого славянина, видимо, не очень занимали вопросы вероисповедания, потому что он посмотрел на Аврелию и вновь поинтересовался:

— Так где же твой муж?

Она отвела взгляд от его простодушно-любопытных светлых глаз и тихо ответила:

— Он утонул вместе с остальными нашими друзьями.

— Утонул? Значит, ты теперь вдова? — казалось, молодой варвар был даже обрадован. — Тогда ты и твой отец можете поселиться в нашей хижине. Мы с Памфилом живем небогато, однако же и не голодаем. Я хотел бы иметь жену, но поблизости нет красивых девушек. А уйти далеко я не могу, мне нельзя бросить Памфила одного, он совсем больной. А ты красивая, молодая, и мужа у тебя больше нет. Если ты станешь моей женой, я буду тебя защищать, заботиться о тебе. Как твое имя?

Растерявшись, Аврелия хотела возразить напористому и неотесанному варвару, но, взглянув на Климента, встретила в его глазах предостережение. «Помолчи, я сам с ним объяснюсь», — сказал ей отец на латыни, а потом обратился к славянину на греческом:

— Ее зовут Аврелия, а меня — Климент. Но у нас не принято, чтобы женщина выходила замуж сразу, как только овдовеет. По обычаю ей надлежит несколько месяцев оплакивать покойного мужа. Однако спасибо тебе за помощь, которую ты предлагаешь. Мы с дочерью охотно поселимся в твоём доме и будем лечить твоего воспитателя Памфила, а также помогать тебе по хозяйству. Люди нашей веры не чуждаются никаких работ. Только помоги нам донести до твоего дома этот ящик.

Аврелия удивленно взглянула на отца, но он сжал ей руку и прошептал: «Пока у нас нет другого выхода, а там посмотрим».

Ящик все еще был обвязан веревками, и Климент хотел нести его вдвоем с рыбаком, но юноша, усмехнувшись, сказал:

— Не надо, ящик легкий, я и сам донесу. Только в руках такой держать неудобно, помоги поставить его мне на голову. А что у вас в этом ящике? Может, золотые монеты?

— У нас здесь реликвия, которая нам дороже золота, — уклончиво ответил епископ.

Скоро все трое двинулись прочь от берега, в сторону пологого горного склона, где между деревьями пряталась одинокая рыбацкая хижина. Молодой варвар шагал впереди, придерживая руками ящик у себя на голове, а следом на некотором